

Санкти (1483–1520) поэт считал художником, в творчестве которого впервые отчетливо и глубоко в искусстве Возрождения нашел отражение идеал древней античной красоты. Этот идеал, по мнению Вяч. Иванова, мог быть определен как «каноническая красота воплощенности» (II, 544).

⁴⁴ Новая земля (*лат.*).

⁴⁵ Образ «Сикстинской мадонны» (ок. 1513) Рафаэля неоднократно использовался Вяч. Ивановым как символ божественной красоты и гармонии. См., напр., статью «Предчувствия и предвестия» (1906), в которой он писал: «Сикстинская Мадонна идет. Складки ее одежд выдают ритм ее шагов. Мы сопоставим ей в облаках. Сфера, ее окружающая, — скопление действующих жизней: весь воздух переполнен ангельскими обликами. Все живет и несет ее; пред нами — гармония небесных сил, и в ней, как движущаяся медуза, — она сама; а на руках ее — Младенец, с устремленным в мир взором, исполненным воли и гениальной решимости, — Младенец, которого она отдаст миру, или, скорее, который сам влечет в мир ее, свою плоть, и с нею стремится за собою всю сферу, где она блуждает» (II, 92).

⁴⁶ Речь идет о картине Рафаэля «Преображение» (1519–1520). См. драматическое истолкование картины «Преображение» Рафаэля в статье Вяч. Иванова «Идея неприятия мира» (1906), где он писал: «Есть какое-то отдаление, отчуждение от мира в линиях, светах и слишком ступенных (отчасти по вине довершителей незаконченного произведения) сумраках этого холста, как будто на нем напечатлелась тень Смерти, уже стоявшей за плечами художника <...>. В самом деле: этот страдальческий крик невольника земной юдоли, этот тоскливый порыв, этот неутоленный голод, эта призрачность естественного и сверхприродного, этот побег из земного в мерцание бесплотного, это отсутствие рая на земле и земли в небесах, этот кошмар вниз, где бьется бесноватый отрок между умоляющей женщиной и отчаявшимся апостолом, и транс там, наверху, где, в белом свете, что-то свершается и еще не свершилось, — все это мистическое и пессимистическое «Преображение» — что это как не Рафаэлю предсмертное «Илои, Илои, лама савахфани» («Боже, Боже, зачем ты меня оставил!») (III, 85).

⁴⁷ Ср.: «Отвечая ему, Иисус сказал: о, род неверный! доколе буду с вами, доколе буду терпеть вас» (Мк 9, 19). «Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня» (Лк 2, 26). О смысле слова «доколе» позднее Вяч. Иванов писал в статье «Идея неприятия мира» (1906): «Но неприятие мира — не только аскетическое «Доколе»? Оно и жертвенное нисхождение духа в мир, жертвенно им приемлемый, дабы преобразен был мир его любовным лобзанием и кротким лучом его таинственного Да» (III, 85).

⁴⁸ Имеется в виду русский художник А.А. Иванов (1806–1858) и его картина «Явление Христа народу» («Явление Мессии») (1837–1857). Вяч. Иванов неоднократно подчеркивал свое духовное родство с художником А.А. Ивановым, которого, по его мнению, «только недавно начали как следует ценить и понимать». См. об этом: Альтман М.С. *Разговоры с Вячеславом Ивановым* / Сост. и подг. текстов В.А. Дымшица, К.Ю. Лапто-Данилевского; ст. и комм. К.Ю. Лапто-Данилевского. СПб. 1995, с. 47. См. также: Парнис А.

Заметки к теме «Вячеслав Иванов и Александр Иванов» // Вячеслав Иванов и его время / Под ред. С.С. Аверинцева и Р. Циглер. Материалы VII Международного симпозиума. Вена 1998, с. 293–294.

⁴⁹ Идея «вселенской общины», предвосхищающая концепцию общности у Вяч. Иванова, обусловлена теориями А.С. Хомякова и В.С. Соловьева, которыми он увлекся, судя по его «Автобиографическому письму», уже в 1880-е гг. (II, 18). Как указывает Н.В. Котрелев, еще будучи студентом Берлинского университета, Вяч. Иванов познакомился с книгой В.С. Соловьева «История и будущность теократии: (исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни)» (т. I, Загреб 1887). Кроме того, в его записной книжке 1888–1889 гг. есть сведения о прочитанных работах В.С. Соловьева «Критика отвлеченных начал» и «Философские основы цельного знания». Об интересе к Соловьеву свидетельствует и его переписка с А.М. Дмитриевским. См. об этом подробнее в комментариях Н.В. Котрелева в кн.: Вячеслав Иванов, *Архивные материалы и исследования*, с. 56–57.

⁵⁰ «Брось в угли яркие твой мак благоуханный!» — аллегорический образ сжигаемых маков — символа сна и покоя, которыми нужно жертвовать — широко использовался в поэзии классицизма (у Г.Р. Державина) и в живописи (у Д.Г. Левицкого). См., например, у Державина: «*На жертвенном оне жару / Сжигая маки благовоны / Служила вышню божеству*» («Видение Мурзы»).

ПРИЛОЖЕНИЕ №1

А.М. Дмитриевский

Письмо к Вяч. Иванову от 20 ноября 1889 г.*

[Л. 78] Несколько мыслей о «Послании».

<...> В современной поэзии оно занимает видное место. Содержание его, оригинальное, умное и сильное, заставляет бледнеть и без того бледные и часто шаблонные по мысли произведения современных поэтов идеи. Впрочем, я знаю только поэтов, печатающихся в литературных журналах, да и то не всех. Я не знаю Минского, Полюнского. Припоминаю поэтические произведения, случайно попадавшиеся мне, я не могу сказать, чтобы я вообще знал какого-нибудь поэта идеи в России, кроме, пожалуй, Лермонтова. Мне кажется, что ни Плещеев, ни его продолжатель Надсон, не были поэтами идеями. Прежде всего потому уже, что известная идея у него являлась одинокой: она утопала, особенно у Надсона, в лиризме. У них был единственный идеал, которому служила их лирика, но вокруг и кро-

* ОР РГБ, ф. 109, л. 4, л. 78–82 об.

ме этого идеала напрасно искать у них идей, они не были людьми мысли. Плещеев был человеком образованным, но ничего не сделал ни в какой области знания. Надсон мало знал и не прошел хорошей школы.

[Л. 78 об.] Им обоим недоставало оригинальности мысли. Цена произведений Надсона — тому доказательство. Поэт, не замыкающийся в лиризме или изображении характеров, поэт пророческого стиля, должен быть сам руководителем умственного решения века. Но кто идет по ученой дороге, редко оказывается поэтом. Из западников, руководивших умами, не было поэтов. Славянофилы, впрочем, дали Аксакова, Тютчева, Хомякова, Вл. Соловьева; последний — не славянофил, но родом из них. Но ведь они были поэтами между прочими. Может быть, поэтические души были более склонны к восприятию славянофильского учения. Ты, Вячеслав, исключительно счастлив: трудно решить, кто в тебе преобладает, поэт или ученый-мыслитель.

[Л. 79] Иначе говоря, ты — поэт-мыслитель. Идеи и идеалы — твоя сфера.

Поэтому ты становишься в плодотворную оппозицию к реализму, провозглашающему себя ценою искусства, вместо того, чтобы ограничиваться ролью средства, метода. Русские знают только тенденциозный реализм, имеющий то общее с идеализмом, что оба исходят из отрицательного отношения к действительности; первый дает послышки, второй выводит заключения; первый толкает вперед, в разные стороны, второй увлекает к определенной цели. На наш новый мужицкий реализм не стоит нападать. Бездарности в литературе всегда были. <...>

[Л. 80] Итак, на основании первых попавшихся под руки произведений искусства, я полагаю, что Реализм не особенно повредит России. Но у всех есть жажда нового идеального мирозерцания, которую за исчезновением прошлого нечем утолить. Творчество, кажется нам, иссякло. Не искать ли нам в прошлом, богатом идеалами, руководящей идеи? В последние десятилетия совершается в Европе два возрождения: буддизма — на Западе и христианства — на Востоке. Эти великие учения удовлетворяют то своеобразное настроение европейской интеллигенции, которое она испытывает, разорвав с прошлым традиционным мировоззрением, найдя отголоски в прошлом.

Итак, когда последовало подобное же настроение, наша мысль, естественно, сосредоточилась на данных уже решенного вопроса. Однако европейская мысль слишком много передумала, чтобы было возможно принять эти великие учения прошлого. Итак, это было бы

вопреки всем историческим законам — Возрождение является главным образом в виде социально-этического учения.

[Л. 80 об.] Оно развивается на рационалистической почве. Я не отстаиваю на этой связи, но об ней стоит подумать. Естественно для современного искусства и поэзии обратиться к высшему идеалу, родившему нас. И это обращение совершается: Достоевский, Вл. Соловьев, Надсон, Крамской, Поленов, Фет, Лев Толстой, Кавелин и др. — все они имеют нечто общее в своих идеалах, — это общее и есть возрождающееся христианство.

В прошлом мы можем только к многому приобщиться. Греческое мировоззрение, как оно обыкновенно понимается, неусвояемо для нас.

[Л. 81] Схоластицизм и педантизм искусства, стремящиеся возродить древность, достойны преследования. Но они могут стоять на верном пути: все дело в силе таланта, а не в теории. <...>

В архитектурном отношении

— в «Послании» для меня непонятно значение места о древней религии. Оно не касается «древнего идеала», указания на который — нет во второй части стихотворения. <...>

[Л. 81 об.] Мысль — «искусство живет религией» — богаче и страннее, чем требуется ее значение в «Послании». <...> Читатель не может быть подготовлен к данному выводу посредством «доколь?». Если нужно, могу распространиться об этом, вношу разъяснения.

— Идеалы «вселенской общины» есть высшее, что только может дать человечество по самому существу своему. Я могу сказать, что ни при каких условиях, возможных в будущем, человечество не в состоянии дать нечто высшее. Это квинтэссенция идеализма, лучший цветочек вселенной. (Это не слова). В нем примиряются личность и человечество, которые в настоящее время монополизировали мировоззрения. <...>

— Форма стихотворения замечательно выдержана и служит сама по себе блестящим доказательством, что нам нечему учиться у древних. <...> Меньше двух раз «Послание» читать нельзя. Во всяком другом рода поэтическом произведении такая сконцентрированность мыслей недостаточна. <...> Каждое слово обдуманно. <...>

[Л. 82] Послание легко делится на части, прекрасные сами по себе. <...>

[Л. 82 об.] Некоторые мысли замечательно верно выражают то, что сам чувствуешь — верный признак художества. Вообще, давно я ничего не читал с таким наслаждением, как «Послание».